

Чжао-гэр слегка нахмурился. Коротко поблагодарив незнакомца, он уже собирался уйти, но Чжан Хуайвэнь окликнул его и, вопреки всяким приличиям, спросил, как его зовут.

Только тогда юноша по-настоящему взглянул на него. Собеседник был облачён в халат из синего шёлка, волосы его были высоко подобраны, на поясе покачивалась подвеска из цветного стекла, а в правой руке он сжимал изящный складной веер с изображением гор и рек. Черты его лица были правильными и благородными, а весь облик дышал учёностью и спокойствием.

Заметив во взгляде юноши явную настороженность и недоверие, учёный спохватился и поспешил извиниться за свою бестактность.

Существовали строгие правила приличия: нельзя было вот так, при первой же встрече, в лоб спрашивать имя. Одно дело, если бы этот маленький гэр был холост, но если он уже связан узами брака, подобный поступок сочли бы за прямое домогательство к чужому супругу.

Тем не менее тот не удержался и бросил на юношу ещё один мимолётный взгляд. На вид тот казался совсем юным и был одет довольно просто — должно быть, деревенский. Хотя в сёлах девушек и гэров выдавали замуж рано — к семнадцати-восемнадцати годам иные уже нянчили детей — порой случалось, что родители оставляли чадо дома подольше, чтобы было кому работать в поле. Тот всем сердцем надеялся, что этот гэр, который ему так неожиданно приглянулся, всё ещё свободен...

— Папа!

Гуай-цзай, волоча за собой корзину, прибежал откуда-то сбоку и крепко обхватил Чжао-гэра за ногу.

Мужчина застыл.

Словно не веря своим ушам и пережив страшное потрясение, он отшатнулся на несколько шагов. Его взгляд лихорадочно метался между юношей и ребёнком, пока он не заметил, что их пухлые губки и очертания рта точь-в-точь одинаковые. В этот миг мир для него окончательно рухнул.

Чжао-гэр не обратил на него ни малейшего внимания. Подхватив Гуай-цзая, он зашагал прочь.

***

Вернувшись домой, он первым делом уселся на кровать и принялся пересчитывать медяки. Фан Цзычэнь когда-то учил его таблице умножения, так что прикинуть доход — двадцать бутылочек по сотне вэнь за каждую — можно было, даже если считать на пальцах ног, но Чжао-гэру до

смерти хотелось ещё раз всё перепроверить и ощутить вес монет.

Медяки уже высились на одеяле небольшой горкой. Гуай-цзай, разинув рот и вытаращив глазёнки, которые стали круглыми, как у быка, застыл рядом, напоминая крошечного стяжателя.

— Папа, как много денежек! Мы теперь богачи!

Юноша и сам так считал. Пересчитав добычу трижды, он вывел итог: две тысячи девяносто три вэнь. Две тысячи — выручка за острый соус, и девяносто три — за кровяную колбасу.

Одна бутылочка соуса принесла больше прибыли, чем целая корзина колбасы!

Один лян серебра равнялся тысяче вэнь, а значит, всего за полдня он заработал больше двух лянов. Он был вне себя от восторга: сердце бешено колотилось, щёки пылали, а в душе росло упоительное чувство собственной значимости. Наконец-то он стал настолько способным, что сможет и сам прокормить своего ненаглядного мужа!

***

Тем временем Ду Сяоду, проведя четыре дня в разъездах по дальним деревням, наконец вернулся домой.

Едва ступив во двор, он услышал из дома слабый плач, похожий на писк новорождённого котёнка. Сначала он даже не понял, что это за звук, пока Старшая госпожа Ду не вышла из кухни с чашкой каши. Увидев сына, она прикрикнула:

— Наконец-то вернулся! Чего столбом стоишь? А ну живо иди посмотри на У-гэра и своего первенца!

— У-гэр родил?!

— А то как же! Уж несколько дней как.

Торговец бросил коромысло и пулей влетел в комнату. У-гэр полулежал на кровати, прижимая к груди свёрток и тихонько баюкая его.

— У-гэр...

— Вернулся? — У-гэр просиял, увидев его, но стоило мужу присесть на край постели, как он не выдержал и укоризненно прошептал: — Что ж ты так долго...

Ду Сяоду заметил, что глаза супруга покраснели, и тот вот-вот расплачется.

— Прости, прости меня! Я и подумать не мог, что ты разрешишься так скоро. Я... я думал, ещё несколько дней есть.

Пока весь товар не был продан, он не решался возвращаться — в доме каждая монета была на счету, вот он и надеялся выручить побольше, чтобы было на что купить еду для У-гэра после родов. Мужчина решил, что супруг плачет от страха — ведь когда другие рожают, вся родня под дверью топчется, а его бедный фулан мучился совсем один.

Утешив близкого человека, Ду Сяоду с величайшей осторожностью взял младенца на руки. Рассматривая его со всех сторон, он расплылся в глуповатой улыбке.

— Сын-то вылитый ты!

— Да ну? А мне кажется, на тебя похож, — смеясь, отозвался У-гэр.

Старшая госпожа Ду, вспомнив что-то, хохотнула и вставила:

— А повитуха сказывала, что внучок мой — точь-в-точь Паренёк Фан!

— ...Чего?!

Торговец был знаком с Фан Цзычэнем и не раз видел его. Лицо того парня врезалось в память любому.

— Да быть того не может! — он снова уставился на сына. Малыш за эти дни окреп, кожа его побелела и стала нежной, он уже не казался таким сморщенным, как вначале, но говорить, что он похож на Паренька Фана — это уж совсем несусветная чепуха.

У-гэр серьёзно посмотрел на мужа:

— Чжао-гэр и Фан Цзычэнь — спасители наши. Мои и сыночка.

Собеседник опешил:

— Это как же?

У-гэр поведал о том дне, и Сяоду слушал, холодея от ужаса. Южная гора была не так уж далеко от деревни, но сейчас все были заняты страдой у подножия Северной горы, и в ту сторону никто не заглядывал. Если бы Чжао-гэр не отправился туда за хворостом, то У-гэр...

Отец ребёнка боялся даже домыслить.

Старшая госпожа Ду коснулась чашки и, убедившись, что каша остыла, протянула её У-гэру.

— В тот день Паренёк Фан принёс тебя на руках. Кровь с твоих одежд так и хлестала, весь его халат пропитала — уж не знаю, отстирается ли теперь. А потом, когда повитуха сказала, что сил у тебя нет, а в доме — ни крошки, Чжао-гэр велел мужу сбежать домой за коричневым сахаром. Да и эта каша — тоже из того зерна, что Чжао-гэр нам прислал.

Она повернулась к сыну и строго добавила:

— Мы перед ними в неоплатном долгу. Век помнить должны и добром воздать.

— Матушка, — кивнул Ду Сяоду, — я всё понимаю.

***

За эту поездку он выручил немного денег, поэтому сразу же отправился в городок, закупил зерна, два цзиня мяса и пол-цзиня леденцового сахара. Когда вечером Фан Цзычэнь вернулся домой, Ду Сяоду вместе с У-гэром и младенцем на руках постучались к ним в двери.

Цзычэнь, увидев гостя, изрядно удивился. Не прошло и нескольких дней, а тот уже на ногах. Неужто этим гэрам совсем не нужно соблюдать послеродовой покой?

Чжао-гэр, обожавший детей, с радостью принял свёрток из рук У-гэра. Малыш пускал пузыри, его пухлые щёчки напоминали пышные белые булочки, а чистые ясные глазёнки с любопытством оглядывали мир. Он весело размахивал крошечными кулачками.

— Цзычэнь, посмотри! Какой он милый!

Фан Цзычэнь и глазом не повёл. Стоило ему вспомнить тот «окровавленный лик» в день родов, как сердце до сих пор начинало подрагивать.

Гуай-цзай так и крутился вокруг папы, то и дело повторяя:

— Братик! Братик!

У-гэр и Ду Сяоду немного поговорили с хозяевами, а в конце собрались было пасть на колени, но юноша вовремя успел отступить.

Ду Сяоду твердил, что не знает, как их отблагодарить. Чжао-гэр, немного подумав, спросил, не

сможет ли тот помочь ему обжечь партию маленьких горшочков.

Для острого соуса требовались именно небольшие склянки. Обычно в хозяйстве использовали широкие кувшины для масла или соли, а те двадцать бутылочек, что он продал, Чжао-гэр нашёл, лишь обегав весь Фуань. В тот раз у него с собой было мало денег, и, опасаясь испачкать хорошую одежду жиром, он надел старое тряпье. В последней лавке, когда он вытряхнул из кошелька всё до последнего медяка, ему всё равно не хватило пары вэнь, и он попросил хозяина уступить.

По чистой случайности в лавке завалилось несколько маленьких горшков, которые никто не брал — они уже успели покрыться слоем пыли. Простым людям такие крохи были ни к чему, и лавочник, боясь упустить случай избавиться от товара, нехотя скинул цену, но про себя решил, что Чжао-гэр — последний нищеврод. Потому-то при второй встрече он и не скрывал своего презрения.

Он предложил Ду Сяоду заняться этим делом не задаром. Тот и не чаял, что простой визит вежливости обернётся выгодным делом.

Чжао-гэр объяснил всё чётко: если торговля соусом пойдёт в гору, то заказы на горшки будут постоянными. Для начала он попросил по тридцать штук в день, по два вэнь за каждый. Шестидесят вэнь в день! Ду Сяоду в уме прикинул доход, и сердце его радостно подпрыгнуло — ему хотелось немедленно бежать домой и разжигать печь.

***

Наступил десятый месяц. Чжао-гэр сделал ещё несколько партий острого соуса, и в городке его расхватывали мгновенно.

Раз соус приносил такой доход, юноша стал делать меньше колбасы — это давало Фан Цзычэню возможность побольше отдыхать. Запасов перца у семьи Чжоу-гэра уже не хватало, поэтому он отправился к Хэ Далэну. У его дяди Лю перца и чеснока в этом году уродилось столько, что тот и не знал, куда их девать. Узнав о просьбе, старик сразу повёл его на поле.

— Сколько тебе надобно? — спросил хозяин поля.

Чжао-гэр осмотрел кусты: перец у дяди Лю был отменный — алый, сочный, любо-дорого посмотреть.

— Мне нужно по тридцать цзиней перца в день и по пятнадцать — чеснока.

За это время он вывел идеальную формулу: две доли перца на одну долю чеснока. Если переборщить с чесноком, вкус становился слишком резким и навязчивым, а если положить мало — не хватало аромата. Соотношение два к одному было золотой серединой.

— Сколько?! — старик опешил. — На что тебе столько? Неужто сами всё съедите?

Тридцать цзиней в день... так ведь и огнём дышать начнёшь.

— Да нет, — улыбнулся Чжао-гэр, — я тут небольшое дельце затеял.

Едва он вернулся к дому, как невестка дяди Лю тут как тут:

— Папа, о чём это Чжао-гэр с вами толковал?

Дядя Лю покосился на неё и буркнул:

— Перца купить хочет.

Невестка, надеявшаяся на какую-нибудь весть о «Башне Пьяной Ночи», разочарованно протянула: «А-а...» — и уже собралась идти на задний двор кормить кур, как свёкор добавил:

— Будем поставлять ему по тридцать цзиней перца и по пятнадцать — чеснока. Каждый божий день.

— Что?! — голос невестки взлетел на две октавы. — Папа, вы меня не разыгрываете?

— Нашла время шутки шутить, — отрезал старик.

Невестка просияла. Ей до смерти хотелось разузнать, зачем Чжао-гэру столько приправ, но дядя Лю приструнил её:

— Делом он занят, и нечего нос совать куда не просят.

— Да я всё понимаю... — пробормотала она.

Деревенские люди редко владели каким-то ремеслом, и если уж кому удавалось найти способ заработка, это держали в строжайшей тайне. Никто не был настолько глуп, чтобы выпытывать чужие секреты.

— Кстати, — спохватилась невестка, — папа, где тот кусок вяленого мяса, что я от матери привезла? Пойду Чжао-гэру отнесу. Матушка его так коптила — аромат на всю округу!

Она редко проявляла такую щедрость, и хозяин дома даже растерялся. Он не удержался и спросил:

— Уж не отравлено ли оно?

Невестка только и смогла, что лишиться дара речи.

<http://bllate.org/book/15357/1439319>